

МАЛЕНЬКИЙ ЛИСТОКЪ.

У ФРАНЦИСКА САРСЭ *).

Сарат. Лист. № 194, 1894
(съ натуры).

Богатая квартира въ домѣ № 59 улицы Дуэ. Рабочій кабинетъ—обширный, снабженный массою свѣта, переполненный книгами. На каминѣ—портретъ „патрона“, т. е. хозяина квартиры, въ амбразурѣ окна—широчайшій диванъ. На бюро—множество старыхъ рѣдкихъ книгъ и бумагъ всякаго рода. Кресла—повсюду, но нигдѣ никакой артистической бездѣлки, ни одной картины, —ничего, однимъ словомъ, того, что указывало бы на любовь къ искусству и прекрасному. Характеръ вообще буржуазный.

Одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля. Солнце еще нерѣшительно проглядываетъ сквозь густыя облака и грѣетъ очень лѣниво; въ воздухѣ свѣжо и сыро.

Францискъ Сарсэ, въ утреннемъ востонѣ и туфляхъ, сидитъ въ огромномъ кожаномъ креслѣ, пробѣгая свой театральнй фельетонъ въ послѣднемъ номерѣ „Temps“.

Голубая крошка, только вчера лишь пріѣхавшая въ Парижъ изъ своей далекой провинціи. На ней блѣдно-голубое платье съ кремовой отдѣлкой, легкіе красно-желтые башмачки, голубые чулочки, широкая соломенная шляпка, просто окваченная голубою же лентою съ большимъ узломъ напередѣ, жиденькія шведскія перчатки и дешевый лѣтній зонтикъ въ рукѣ,—туалетъ черезчуръ весенній для капризной французской столицы. Волоса темно-русые, а-ля-Нинонъ-вьющіеся; глаза черные, зубы свѣжой бѣлизны, цвѣтъ лица немного смуглый, горячій, южный.

Голубая крошка.—Меня увѣрили, дорогой мѣтръ, что вы очень добры и услужливы, и вотъ я пришла къ вамъ, просто, попросить вашей протекціи и вашего добраго совѣта...

Францискъ Сарсэ.—Вы, мадемуазель, слишкомъ прелестны для того, чтобы я осмѣлился заниматься вами...

Голубая крошка.—То есть?..

Францискъ Сарсэ.—Когда вы сейчасъ вошли ко мнѣ, мнѣ показалось, что это лучъ солнца мнѣ улыбнулся. Со времени знаменитой Бюганъ, мнѣ ни разу еще не доводилось видѣть такую милую крошку, какъ вы... и вы поразительно на нее похожи: та-же тонкость профиля, тотъ же...

Голубая крошка (сконфуженная этимъ потокомъ комплиментовъ).—Я васъ перебиваю, дорогой мѣтръ, потому что боюсь—не смѣтесть-ли вы надо мною...

Францискъ Сарсэ протестуетъ энергичнымъ жестомъ.

Голубая крошка (улыбаясь).—Позвольте мнѣ лучше сказать вамъ, уважаемый мѣтръ, чего я осмѣливаюсь ожидать отъ васъ. Но прежде всего, въ оправданіе

моей смѣлости, не могу ли припомнить вамъ, что я для васъ несомнѣнно неизвѣстна...

Францискъ Сарсэ (внимательно осматривая Голубую крошку своими огромными близорукими глазами).—Не думаю, мадемуазель, что раньше настоящей минуты судьба когда-нибудь осчастливила меня видѣть васъ.

Голубая крошка.—А не вспоминаете ли праздники „молодыхъ кошечекъ“, устроенный два года тому назадъ на Югѣ?

Францискъ Сарсэ.—Да, я на немъ былъ, кажется?..

Голубая крошка.—И не только были, но даже оплодировали мнѣ, когда я у Нимскаго фонтана прочла стихи передъ статуей Жана Ребуля...

Францискъ Сарсэ (проводя рукою по лысому лбу).—Не помню...

Голубая крошка.—И еще поцѣловали меня!

Францискъ Сарсэ (раздвигая руки).—Ахъ, да! Поцѣловалъ! Теперь припоминаю...

Голубая крошка (смѣясь ото всего сердца).—На силу-то! Вы даже предположили моему поцѣлю такой маленький спичъ: „Мадемуазель, отъ имени всѣхъ котовъ, молодыхъ и старыхъ, позвольте поцѣловать васъ“.

Францискъ Сарсэ (хохоча).—...Что очень обозлило распорядителя праздника, который былъ вашимъ кавалеромъ и хотѣлъ бы также имѣть свою долю... другіе тоже; но ихъ было очень много, и вотъ поэтому то я и поцѣловалъ васъ одинъ... за всѣхъ... такъ что это можно бы, пожалуй, назвать „коллективнымъ“ поцѣлуемъ... ха, ха, ха!...

Голубая крошка (улыбаясь).—А теперь, вторично представившись, могу ли сказать вамъ, что пріѣхала въ Парижъ попробовать счастья на литературной карьерѣ?

Францискъ Сарсэ (вдругъ становясь серьезнымъ).—На литературной карьерѣ? Да литература—какая жъ это... карьера, особенно для женщины? Но, впрочемъ, это ничего... Есть у васъ состояніе?

Голубая крошка (весело).—Какое богатство! У меня есть артистическое честолюбіе, усердіе, энергія... Но кромѣ этого—ничего... ничего...

Францискъ Сарсэ.—Мнѣ жалко васъ, вы ничего поэтому не добьетесь. Женщины не для того созданы, чтобы бороться съ трудностями и лишениями, а

безъ нихъ нельзя достигнуть успѣха. Откажитесь отъ этой идеи, бросьте Парижъ съ его туманами, холодами и сѣтями и побѣжайте-ка лучше назадъ, на югъ, откуда пріѣхали. Вы—цвѣтокъ, моя красавица, и вамъ нужно побольше солнышка...

Голубая крошка (запылавши храбростію).—У меня такая энергія, которую трудности не только не затушатъ, но, наоборотъ, усилятъ, разожгутъ. Передъ препятствіями я, какъ конь закусивши удила, становлюсь на дыбы... Чтобы одержать побѣду, у меня есть вѣра, есть гордость—эта броня сильныхъ! Дыша молодостью и надеждами, я пріѣхала сюда для того, чтобы вступить въ ряды „потерянныхъ дѣтей“ и съ ними я неустанно буду бросаться впередъ, сражаться за все то, что чисто, благородно и прекрасно! Я...

Францискъ Сарсэ.—Вы слишкомъ молоды... едва девятнадцать лѣтъ... Вы только вступаете въ жизнь и еще не знаете, сколько въ ней впереди разочарованій, сколько слезъ...

Голубая крошка.—И побѣдъ также!

Францискъ Сарсэ (слегка пожимая плечами).—Я... я не могу ничего помочь вамъ въ этомъ предпріятіи!

Голубая крошка (опечаленная).—А я-то надѣялась, что вы съ вашимъ вѣсомъ, съ вашей силою поможете мнѣ втереться въ какой-нибудь журвальчикъ или газетку, гдѣ, пописывая понемножку, я могла-бы зарабатывать по крошечкѣ на свое пропитаніе. Я—маленькая птичка и мнѣ, дорогой мѣтръ, нѣсколько зернышекъ было-бы совсѣмъ довольно...

Францискъ Сарсэ.—Еще разъ сожалѣю васъ, дорогое мое дитя! Вы очень ошиблись: я не имѣю никакого вліянія. Меня ругаютъ, прямо обзываютъ дуракомъ, безсильнымъ... Еще того хуже... Чтобы рекомендовать васъ, я совершенно недостаточенъ, повѣрьте!

Голубая крошка (нерѣшительно и со страхомъ протягивая ему руку съ тоненькимъ сверткомъ бумаги).—Можетъ быть, по крайней мѣрѣ вы будете настолько добры прочесть вотъ это: маленький актъ въ стихахъ, совсѣмъ коротенькій...

Францискъ Сарсэ (отскакивая назадъ).—Я теперь ничего ужъ не читаю... Ничего, рѣшительно ничего! Вотъ видите на столѣ эту грудку книгъ? Объ каждой изъ нихъ я долженъ дать отзывъ, —и вы думаете, что я стану ихъ читать? Ни-ни, ни за что въ мірѣ! Я теперь не вижу, глаза совсѣмъ плохи!.. Да и времени нѣтъ.

Голубая крошка (умоляющимъ голосомъ).—Маленькій актъ, такой коротенькій, такой коротенькій!..

Францискъ Сарсэ.—Вы такъ хороши, такъ хороши... что не умѣю вамъ отка-

зать! Ну, куда ни шло! Хорошо, я прочитаю ваше произведеніе (встаетъ, приближается къ Голубой крошкѣ и нагибается, чтобы поцѣловать ее).

Голубая крошка (ловко ускользая).—Но, дорогой мѣтръ, здѣсь не праздникъ „молодыхъ кошечекъ“ и здѣсь... нѣтъ никого, отъ имени которыхъ вамъ слѣдовало-бы поцѣловать меня...

Францискъ Сарсэ (галантно).—А я-то самъ?

Голубая крошка (держась за дверную ручку).—Вы, дорогой мѣтръ, тогда считали себя... „коллективно“... Ну, а теперь, какъ вы одни...

Францискъ Сарсэ (смѣясь).—..То я ужъ не считаюсь?

Голубая крошка (то-же смѣясь).—Не я вѣдъ сказала...

Францискъ Сарсэ.—О, вы становитесь злою и... и... такъ и слѣдуетъ! Я хотѣлъ только посердить васъ немножко, но я чувствую, что я ужъ того-съ... кончилъ, постарѣлъ.. тогда какъ вы, хорошенькая дѣвушка, еще только собираетесь жить, рветесь къ любви, къ...

Голубая крошка (весело).—Ну, къ любви еще нѣтъ, положимъ... Это—послѣ... а пока...

Францискъ Сарсэ (перебивая ее и пожимая руку).—Вы правы и я въ восторгѣ отъ вашей молодости, откровенности и веселости. Только, право, ничего не могу для васъ сдѣлать! Но дѣло вотъ въ чемъ: у меня множество знакомыхъ, друзей; быть можетъ, они вамъ помогутъ. Я часто принимаю у себя, у меня бываетъ разный народъ, писатели, актеры, журналисты, артисты и т. далѣе. Вы можете безъ всякой церемоніи придти сюда завтракать за-просто... по вторникамъ и субботамъ... я васъ представлю и вы выберете себѣ въ этой кучѣ...

Голубая крошка (съ оттѣнкомъ сильной ироніи).—Вы тысячу разъ любезны, дорогой мѣтръ, тысячу разъ вамъ мерси!.. (убѣгаетъ, вся раскраснѣвшись).

II.

Нѣсколькими днями позже. Та-же декорация, тѣ-же дѣйствующія лица.

Голубая крошка (уже немного поблѣднѣвшая).—Такъ что-же, дорогой мѣтръ, были-ли вы столь любезны прочитать тотъ маленький актъ, что я вамъ оставила прошлый разъ?

Францискъ Сарсэ (удивленно).—Маленькій актъ?.. Какой маленький актъ? Какъ было его заглавіе?

Голубая крошка.—Онъ былъ озаглавленъ „Симфонія“.

Францискъ Сарсэ (не отнимая руку отъ лба).—„Симфонія“... „Симфонія“... Куда-бы, чортъ возьми, я ее засунулъ? (Онъ перерываетъ все и на столѣ образуется настоящий хаосъ. Не находить и сердит-

ся. Голубая крошка также ищетъ вдоль всей бібліотеки, даже за креслами и диваномъ. Наконецъ, на тумбѣ, подъ бюстомъ Сарсэ, замѣчаетъ кончикъ своей рукописи).

Голубая крошка.—Кажется, что вотъ здѣсь она, моя рукопись. Но я боюсь ее вытащить, чтобы не разбить васъ...

Францискъ Сарсэ.—О, это не бѣда! (вытаскиваетъ тетрадку). Это, должно быть, мой секретаръ туда ее задвинулъ... Самъ я не помню... Совсѣмъ потерялъ память, совсѣмъ...

Голубая крошка.—Такъ, значитъ, мнѣ и нельзя узнать ваше мнѣніе на счетъ моего перваго опыта?

Францискъ Сарсэ.—Да почему-жъ нѣтъ? Конечно, можно, можно... Это, знаете, стишки, пожалуй, недурные, но они очень... очень... какъ-бы вамъ сказать... немножко того... молоды... Да, именно молоды!

Голубая крошка (съ грустью).—Слѣдовательно, ихъ нельзя играть, напротивъ... это можетъ пойти...

Голубая крошка (наивно).—Въ какомъ театрѣ?

Францискъ Сарсэ.—Да право не знаю... Маленькій актъ въ стихахъ... Это, пожалуй, подошло-бы для „Французской Комедіи“.

Голубая крошка (еще наивнѣе).—А вы мнѣ дадите пару словечекъ рекомендаціи къ вашему другу Клареси? Потому что я боюсь, какъ-бы меня, бѣдняжку, не оттолкнули, не прочитавши даже, тогда какъ съ письмомъ отъ васъ...

Францискъ Сарсэ (перебивая)...Совсѣмъ ничего не вышло-бы!—клянусь вамъ, что не могу рекомендовать стиховъ...

Голубая крошка (свертывая свою рукопись).—До свиданія, уважаемый мѣтръ, благодарю за ваши совѣты и вашу доброту! Но у меня есть энергія и я докажу это, борясь одна...

Францискъ Сарсэ (проводя ее, въ дверяхъ).—Клареси, право, очень любезенъ... а вы такая хорошенькая, такая милая крошка!..

(Изъ „Echo de la Semaine“).

Парижъ, 28 (16 августа).

*) Францискъ Сарсэ—одинъ изъ виднѣйшихъ современныхъ французскихъ писателей и первый театральнй критикъ, сотрудничествомъ котораго дорожатъ главнѣйшіе органы парижской прессы. Имя его извѣстно всей Франціи. Отъ его отзыва нѣрѣдко зависитъ вся карьера начинающаго писателя, отъ его первой критики—дальнѣйшая судьба новой пьесы. Какъ человекъ—это веселчакъ, тонкій сатирикъ, добродушный буржуа, любитель компаніи и, главное, прекраснаго пола, лихо пріударяющій за хорошенькими женщинами, не смотря на свой вторичный бракъ, солидный возрастъ и особенно толщину тѣлосложенія, необыкновенную массивность своей фигуры, —что заставило его отказаться отъ употребленія мяса и сдѣлаться горячимъ адептомъ вегетеріанства.